

Предисловие автора

Эта книга — не роман о войне.

«Дом алфавита» — история о человеческом предательстве, которая могла бы произойти при любых обстоятельствах: в браке, на работе или в экстремальных условиях, таких как корейская война, Англо-бурская война, Ирано-иракская война, ну или, в данном случае, Вторая мировая.

Причин тому, что рамкой послужила именно та война, несколько. Прежде всего, я сын психиатра, а потому рос при лечебницах для душевнобольных — так их называли в пятидесятых и начале шестидесятых. И хотя мой отец мыслил на удивление прогрессивно и по-новаторски, я лично неизменно наблюдал за тем, как тогда обращались с душевнобольными.

Многие из них существовали в системе с тридцатых годов, и меня заинтересовали методы лечения, а также представления о больницах и врачах — того периода и военного времени. Параллельно я познакомился с несколькими пациентами — подозреваю, что они были симулянтами. Если смотреть детским наивным и зорким взглядом.

Один пациент с хроническим психическим заболеванием — человек, с которым мой отец случайно сталкивался на протяжении многих лет, — в целом приспособился к жизни в лечебнице с помощью двух изречений.

«Да, тут что-то есть!» — произносил он, оставаясь, как правило, немногословным. А обострить или разрешить почти любую ситуацию он мог, с неподдельным облегчением воскликнув: «А, слава богу!» Это был один из тех, кого я мог подозревать в уходе от общества к миру и покою лечебной системы при помощи той или иной странной формы симуляции.

Но возможно ли сохранить самого себя и собственный разум в подобной системе, если на самом деле болезни нет? В любом случае поверить в это сложно, когда думаешь о ряде весьма крутых методов, бывших в то время в ходу. Мог ли наш немногословный пациент сберечь здоровье?

Через много лет мой отец снова увидел того пациента. Насколько мне известно, это произошло в семидесятые годы, когда мир стал посвободнее. Этого человека зараза тоже коснулась. Свой репертуар он пополнил третьим предложением: «Да пошел ты!» Он шел в ногу со временем.

И снова я не мог не задаться вопросом: он болен или здоров?

Желание связать два интересных предмета — *вероятное* психическое заболевание и Вторую мировую войну — лишь усилилось во время беседы с Карной Бруун, ныне покойной подругой моей матери. Карна работала медсестрой в Бад-Кройцнахе под началом профессора Сауэрбруха и смогла подтвердить и развить ряд имеющихся у меня теорий.

Летом 1987 года под усыпанным звездами небом Террачины я поделился с женой набросками истории. В то время я, точно так же как и сейчас, буквально преклонялся перед писателями, умеющими сочетать погружение в тему и литературное мастерство, а благодаря той самой истории моя жена поверила, что попытаться действительно стоит.

На претворение задуманного в жизнь ушло почти восемь лет.

Во время работы я оказался в долгу перед Фондом семьи Треск, выделившим деньги на поездку во Фрайбург-им-Брайсгау, где в основном и разворачивается история, военной библиотекой во Фрайбурге и доктором Экером, главным архивариусом Государственного архива во Фрайбурге.

Моя жена Ханна Адлер-Ольсен неустанно служила мне музой и критиком и подпитывала мою веру в обоснованность амбиций.

Мои талантливые и мудрые друзья Хеннинг Куре, Ес-пер Хельбо, Томас Стендер, Эдди Киран, Карл Россхоу, а также не в последнюю очередь мои сестра Элсебет Веренс и мать Карен-Магрете Ольсен прочли книгу, добавив в нее множество уточнений. Книга также претерпела ряд сокращений. Все ее составляющие подверглись оценке и переработке, и результат оправдал мои ожидания.

Юсси Адлер-Ольсен

Часть I

ГЛАВА 1

Погода далеко не идеальная.

Холодный ветер и плохая видимость.

Условия небывало суровые для английского января.

Американские экипажи уже сидели на взлетно-посадочной полосе, когда к ним подошел высокий англичанин. Он еще не до конца проснулся.

За первой группой с земли привсталла некая фигура и помахала ему. Помахав в ответ, англичанин широко зевнул. Сплошные ночные вылеты — после такого сложно снова войти в обычный режим.

Впереди ждет долгий день.

Вдалеке машины медленно двигались к южной оконечности взлетной полосы. Значит, скоро они поднимутся в воздух.

Приятное и в то же время давящее чувство.

Указания насчет предстоящей миссии поступили из расположенного в Саннингхилл-Парке штаба генерал-майора Льюиса Х. Бреретона. О содействии со стороны Британии он попросил главнокомандующего Королевскими вооруженными силами Харриса, маршала авиации. На американцев британские «москито» неизменно производили впечатление: во время ноябрьских налетов на Берлин они раскрыли столь тщательно охраняе-

мую тайну немцев — производство ракетного комплекса «Фау-1» в Цемплине.

Выбор личного состава поручили подполковнику Хадли-Джонсу, который доверил выполнение задачи своему сослуживцу, командиру авиационного крыла Джону Вуду.

Ему предстояло отобрать двенадцать британских экипажей. Восемь инструкторских групп и четыре вспомогательных со специальными разведывательными целями в составе 8-й и 9-й воздушных армий США.

Для выполнения задачи двухместные истребители «Р-51D Мустанг» оснастили панорамными приборами и чувствительными оптическими инструментами.

Всего две недели назад в первый экипаж отобрали Джеймса Тисдейла и Брайана Янга — испытать оборудование при так называемых нормальных условиях.

Если коротко, их снова вполне мог ждать бой.

Вылет запланировали на 11 января 1944 года. Цель — авиационные заводы в Ошерслебене, Брауншвейге, Магдебурге и Хальберштадте.

Пришлось прервать рождественский отпуск, чем оба были недовольны. Оба устали от боевых действий.

— За четырнадцать дней в адскую машину вникнуть! — вздыхал Брайан. — Я во всех этих приборах ни черта не смыслю. Чего бы Дяде Сэму свой экипаж в эту дрянь не посадить?

Джон Вуд стоял к обоим спиной, склонившись над документами:

— Потому что ему нужны вы!

— А это разве довод?

— Вы оправдаете ожидания американцев и в живых останетесь.

— А вы нам это гарантируете?

— Да!

— Джеймс, скажи чего-нибудь! — Брайан повернулся к другу.

Потеребив шарф, Джеймс пожал плечами. Брайан тяжело сел.

Никакой надежды.

По расчетам, вся операция должна была занять шесть часов. Общая численность войск — примерно шестьсот пятьдесят четырехмоторных бомбардировщиков 8-й воздушной армии США, им предстоит бомбить авиационные заводы в сопровождении истребителей дальнего действия Р-51.

Во время налета самолет Брайана и Джеймса от группы оторвется.

Ходили упорные слухи, что в последнюю пару месяцев в Лауэнштайне, к югу от Дрездена, отмечается повышенный приток строителей, инженеров и высококвалифицированных технических специалистов, а также огромного количества пленных рабочих — поляков и русских.

По имеющимся у разведки сведениям, на местности ведутся строительные работы, но какие именно — неизвестно. Имелись теории насчет фабрик для производства синтетического топлива. Если это правда, то впереди катастрофа, ведь это серьезное подспорье для немецких проектов по созданию летающих бомб типа «Фау».

Поэтому задача Брайана и Джеймса — как можно тщательнее отснять и картографировать этот район, а также железнодорожные пути рядом с Дрезденом, чтобы обновить имеющиеся у разведки сведения. Выполнив задачу, они вернутся к группе и отправятся домой, в Англию.

Многие участвующие в операции американцы уже закалились в воздушных боях. Несмотря на мороз и предстоящие события, они улеглись, наполовину вытянув-

шись, на одетой в белое, промерзшей земле, которую кто-то назвал взлетно-посадочной полосой. Большинство из них болтали, как будто собрались на вечеринку или устроились отдохнуть воскресным вечером дома на диване. Повсюду сидели одиночки — обхватив руками колени и уставившись в никуда. Молодые и неопытные, они еще не научились забывать сны и обуздывать страх.

Англичанин прошел между сидящими людьми к своему товарищу — тот растянулся на земле, подложив руки под голову. Почувствовав легкий пинок в бок, Брайан вздрогнул.

Падающие снежинки ложились на носы и брови. А небо у них над головами хмурилось все сильнее. От прочих ночных вылетов этот сильно отличаться не будет.

Под Брайаном тихо вибрировало сиденье.

Воздушное пространство наполняли сигналы от остальных самолетов группы. Каждый звучал отчетливо и ясно. На тренировках они не раз шутили: можно закрасить окна и летать на одной технике. Вот до чего точное оборудование.

Во время этого задания шутка вполне могла стать правдой. Джеймс охарактеризовал видимость следующим образом: «Ясность, как в симфонии Белы Бартока». Дворники и нос самолета, разрезавший снежную массу, — больше ничего видно не было.

Мнения у них разделились. Не по поводу безумия задачи — за такой короткий срок сменить деятельность и оборудование, — а о мотивах Джона Вуда. По его словам, выбрали их потому, что они лучшие, и Джеймс действительно в это верил.

Брайан упрекал его. Не приходилось сомневаться, что Джон Вуд выбрал именно их потому, что Джеймс никогда не перечил, когда дело касалось службы. Если гово-

речь об этой операции, разбираться с проблемами было некогда.

Джеймса раздражали упреки. Поводов для волнений и так хватало. Путь предстоял неблизкий, оборудование новое. Погода — дрянь. А когда они оторвутся от основной группы, им уже никто не поможет. Если предположения разведки верны и там действительно строят столь важные заводы, эту территорию очень хорошо охраняют. Доставить фотографии в Англию будет очень непросто.

Но Джеймс прав. Кому-то же надо это сделать. К тому же особой разницы по сравнению с налетами на Берлин нет.

И они ведь пока еще живы.

Молча сидевший за Джеймсом Брайан выполнял свою работу безупречно, как всегда. Из-за вибраций его зачесанные назад волосы медленно сползли на лоб. Брайан выделялся прической. Когда он только-только причешется, кажется, что они с Джеймсом почти одного роста.

Среди карт и измерительных приборов Брайана висела фотография женщины по имени Магда Донат из женской добровольческой организации. По ее мнению, Брайан — вылитый Адонис.

Они долго были вместе.

Как по мановению властной дирижерской руки, немецкая противовоздушная оборона заиграла увертюру, выпустив снаряды по первым машинам. Всего за несколько секунд до этого Джеймс предугадал заградительный огонь и подал Брайану сигнал. А потом они сменили курс. С этого мгновения они на какое-то время погрузились в полную неизвестность.

Оказались без прикрытия и совсем одни.

— Джеймс, если спуститься пониже, мы машину без хвоста оставим, — буркнул через двадцать минут Брайан.

— Если мы зависнем на двухстах футах, на фотографиях ни черта не будет видно, — прозвучал ответ.

Джеймс оказался прав. Над районом действий шел снег, но из-за ветра снежинки вихрями взмывали вверх. Если подойти поближе, дыры для фотографирования образуются всегда.

Поскольку они ушли из-под огня над Магдебургом, их местонахождение никого не интересовало. Судя по всему, их еще не обнаружили. Брайан был готов на все, чтобы этого не случилось.

Позади них уже упало много самолетов. Слишком много. Сквозь шум Джеймс крикнул Брайану, что видел немецкий истребитель — тот выпускал что-то похожее на ракеты. Вслед за короткой вспышкой последовал разрушительный взрыв.

— Да люфтваффе и гроша ломаного не стоит, — заявил накануне вечером американский летчик с широкой ухмылкой.

Наверное, теперь его личный опыт говорит об обратном.

— А теперь сто тридцать восемь градусов на юг! — Брайан осматривал лежавшее под ним снежное море. — Можно разглядеть шоссе из Хайденау. Перекресток видишь? Хорошо, теперь двигайся к холмам.

Скорость едва доходила до двухсот километров в час — при такой погоде весь фюзеляж зловеще гудел.

— Джеймс, надо пересечь шоссе и вернуться обратно. Но аккуратно! Вполне возможно, что на юге есть крутые склоны. Видишь хоть что-нибудь? Кажется, тут удачное место — на отрезке до Гайзинга.

— Ничего — вижу только, что дорога довольно широкая. Зачем она нужна? Тут ведь совсем пусто.

— Я об этом тоже подумал. А нельзя сейчас на юг свернуть? Посмотри вон на те деревья! Видишь, какие густые?

— Думаешь, маскировочная сетка?

— Может быть.

Если здесь и строили заводы, то их зарыли в склоны. Брайан сомневался. Если такое здание обнаружат, от точечных бомбардировок земляная насыпь не защитит.

— Пустая затея, Джеймс. Тут нигде ни одного нового здания.

На такой случай указания у них следующие: идти на север вдоль железной дороги в Хайденау, свернуть на запад к Фрайталю и двигаться вдоль путей в сторону Хемница, взять курс на север, а затем на северо-восток по железнодорожной ветке, идущей в Вальдхайм. Железнодорожную сеть необходимо тщательно отснять. Об этом просили русские. Под Ленинградом советские войска теснили немцев как безумные, угрожая смять весь германский фронт. По их мнению, железнодорожный узел в районе Дрездена для немцев был сродни пуповине. Перережь ее, и немецкие дивизии Восточного фронта останутся без снабжения. Вопрос лишь в том, в скольких местах надо перерезать, чтобы добиться эффекта. Брайан смотрел на лежащее под ним железнодорожное полотно.

На снимках, которые он сделал, не будет видно ничего, кроме занесенных снегом путей.

Первый взрыв — удивительной силы — раздался без предупреждения всего в полуметре за креслом Брайана. Не успел тот обернуться, Джеймс уже направил самолет вертикально вверх, набирая скорость. Брайан защелкнул карабин на сиденье и почувствовал, что наполнявший кабину теплый воздух из-под него буквально высасывает.

В фюзеляже образовалась неровная дыра размером с кулак. Выходное отверстие в крыше — с тарелку. Задел их единичный снаряд, выпущенный из мелкокалиберного зенитного орудия.

Значит, что-то они все-таки проглядели.

Из-за визга мотора во время резкого набора высоты у них не было возможности понять, продолжился ли обстрел.

— Там все серьезно? — крикнул Джеймс и, получив ответ, удовлетворенно кивнул. — Ну, понеслось!

В ту же самую секунду Джеймс, сделав мертвую петлю, слегка накренил машину и отправил ее в пике. Через несколько секунд защелкали авиапушки «Мустанга». Вырывавшиеся из жерла языки пламени неслись прямо на них и показывали дорогу.

В самом центре этого океана смертоносного огня было что-то, что немцы хотели любой ценой утаить от посторонних.

Джеймс раскачивал самолет из стороны в сторону, запутывая наблюдателей, а внизу бойцы у зениток пытались взять их на мушку. Зенитных установок они так и не увидели, но доносившиеся до них звуки никаких сомнений уже не оставляли. «Флак-цвиллинг-40» ни с чем не спутаешь.

Рядом с землей Джеймс рывком выпрямил самолет. Шанс у них всего один. Ширина всей территории не превышала двух-трех километров. А для управления камерой нужна легкая рука.

Под ними кружилась земля. Серые поля и белые вихри перемежались верхушками деревьев и крышами зданий. Территорию, над которой они проносились, окружали высокие заборы. Их встретили пулеметные очереди с нескольких смотровых вышек. В таких лагерях держали пленных рабочих. Трассирующие снаряды, вылетающие из лесной чащи плотными очередями, вынудили Джеймса уйти еще ниже, к деревьям. Несколько очередей их авиапушек прошли между стволами деревьев — противнику пришлось прекратить огонь.

Затем Джеймс, срезая верхушки елок, повел самолет прямо над гигантской сероватой массой маскировочной сетки, стенами, вагонами и разложенными повсюду грузами. Брайану было что поснимать. Через несколько секунд они вновь ушли вверх, а затем в сторону.

— Получилось?

Брайан кивнул, хлопнул Джеймса по плечу и выразил искреннюю надежду на то, что их единственными противниками окажутся стоящие на земле зенитки.

Но это оказалось не так.

— Брайан, тут что-то не то! Выпрямись чуть-чуть, и ты тоже увидишь. Это же обшивка двигателя! Видишь?

Увидеть оказалось несложно. В воздухе торчал кусок обшивки. Не важно, почему этот треугольник оторвался — из-за пикирования, попадания снаряда или взрывной волны.

Ничего хорошего это в любом случае не предвещало.

— Брайан, нам придется очень сильно сбросить скорость. Ты же и сам это понимаешь? Надежды сейчас вернуться к нашей группе очень мало.

— Делай что считаешь нужным!

— Пойдем вдоль железной дороги. Если в воздух поднимутся истребители, они наверняка решат, что мы направляемся на запад. Ты же по сторонам поглядываешь?

Обратный путь займет целую вечность.

Ландшафт под ними постепенно выравнивался. В ясный день они постоянно видели бы линию горизонта. Если бы не непогода, их было бы слышно за несколько километров.

— Джеймс, как нам, черт побери, по-твоему, домой возвращаться? — тихо спросил Брайан.

Даже смотреть на карту необходимости не было. Шанс минимальный.

— Не своди глаз со своего маленького экранчика — больше ты ничего не сделаешь, — прозвучал спереди ответ. — Думаю, обшивка провисит, пока мы идем в ритме марша.

- Значит, выберем самый короткий путь.
- На север от Хемница! Да, отлично, Брайан!
- Мы с ума посходили!
- Не мы! Так уж обстоятельства сложились.

Лежавшая под ними железнодорожная линия оказалась вовсе не второстепенным ответвлением. Рано или поздно появится поезд, перевозящий боеприпасы или войска. Мелкие, легко наводимые спаренные зенитные пушки или противовоздушные двадцатимиллиметровые «Флак-38» быстро с ними разберутся. А еще ведь есть мессершмитты. Их самолет для них добыча легкая. Вступил в ближний бой и сбил. Вот и весь рапорт.

Брайан подумывал предложить Джеймсу посадить машину самим, пока этого не сделал противник. Его философия отличалась простотой и практичностью. Лучше уж плен, чем смерть.

— Они нас заметили, — глухо произнес он, слегка потрепав Джеймса по плечу.

Никак не прокомментировав его слова, Джеймс начал снижаться.

— Вон там Наундорф. Двигайся на север!

Над собой Брайан разглядел лишь тень вражеского самолета:

— Вот! Вот он, Джеймс! Прямо над нами!

Приложив усилие, Джеймс увел самолет от земли.

Во время ускорения весь самолет жалобно вибрировал. От резкого набора высоты в отверстие за спиной Брайана из кабины вышел почти весь воздух. Еще до того, как Брайан разглядел их цель, загремели авиапушки Джеймса. Выпущенная прямо в брюхо очередь сразу

же уничтожила мессершмитт. Прогремел смертоносный взрыв.

Пилот даже не осознал, что с ним произошло.

Раздалось несколько взрывов — Брайан не смог определить, где именно, — и внезапно они оказались в горизонтальном положении. Брайан рассматривал затылок Джеймса, как будто ждал от него какой-то особенной команды. Судя по шуму из-за потрескавшегося лобового стекла, во время резкого набора высоты тот треугольный кусок обшивки все-таки оторвался. Джеймс слегка помотал головой, не произнеся ни слова.

Затем он рухнул вперед, отвернув голову в сторону.

Нарастал шум двигателя. Все соединения били в такт, по мере того как корпус скользил по воздуху. Брайан вылез из-под ремня, схватил Джеймса, взял штурвал и с силой потянул его на безжизненное тело.

По щеке Джеймса потекли струйки крови — нашлась и причина. Над и перед ухом открылись две длинные, но не слишком глубокие раны. Прямо по его виску скользнул кусочек металла, срезав большую часть мочки уха.

Внезапно еще один кусок обшивки с грохотом оторвался и перекатился через левое крыло. Судя по скрипу, он был не последним. Поэтому Брайану пришлось принять решение за двоих, и он стал вытаскивать Джеймса.

Обшивку кабины буквально сорвало, и Брайана вытолкнуло из сиденья. На воющем ледяном ветру он взял Джеймса под мышки и вытащил на крыло. В тот же самый миг машина под ними исчезла. Оказавшись в воздухе, Брайан отпустил Джеймса — тот безвольно рухнул вниз. У Брайана еще ныли руки после сильного рывка за кольцо его парашюта. Секунду руки Джеймса болтались, как у тряпичной куклы. Затем его парашют раскрылся быстрым рывком. Из-за болтающихся рук он напоминал оперившегося птенца, делающего первые взмахи крыльев на ветру.

Закоченевшими руками Брайан дернул кольцо своего парашюта. Над головой у него раздался хлопок, и в то же мгновение снизу загремели выстрелы, посылая сквозь снежную мглу слабые предательские вспышки света.

Накренившись, машина рухнула далеко позади. Тем, кто пойдет их искать, придется потрудиться. А пока Брайану предстоит не выпускать Джеймса — маленький серый барахтающийся шарик — из поля зрения.

У Брайана приземление вышло довольно суровым. На морозе твердые борозды казались бетонными канавами. Пока он лежал и стонал, ветер снова наполнил парашют и поволок его по земле — летный костюм порвался. Снег превратил свежие царапины в лед еще до того, как он почувствовал боль.

Брайан видел, как приземлялся Джеймс. С виду посадка была жесткой, — казалось, он переломал всю нижнюю половину тела.

Вопреки всем предписаниям, Брайан отпустил парашют и поковылял по бороздам. Заборные столбы отмечали границы прежних загонов. Лошадей там не было — их давным-давно забили. Парашют Джеймса зацепился за столб, оказавшись между корой и древесиной. Брайан осмотрелся. Вокруг — тишина. В грудях кружащегося свежего снега он схватил обеими руками пляшущую парашютную ткань и аккуратно двинулся к Джеймсу вдоль строп и швов на ткани.

Чтобы тот перекатился на бок, понадобилось три тычка. С молнией пришлось повозиться. Ледяные подушечки пальцев Джеймса зарылись под грубую одежду. Обнаруженное тепло буквально причиняло боль.

Брайан задержал дыхание, пока не нащупал слабый пульс.

Когда унялся ветер, улеглась и метель. Пока было тихо.

Джеймс слабо задышал, когда Брайан тащил его к лесной чаще, под прозрачные кроны деревьев. То, что оставили в наследство поколения бурь, валялось у стволов, даря надежду на кров и защиту. «Раз вокруг столько никому не нужного топлива, жилья поблизости нет», — вполголоса сказал себе Брайан.

— Что ты говоришь? — послышалось от тела, безвольно давшего тащить себя по снежному ковру.

Упавший Брайан осторожно положил голову Джеймса себе на колени:

— Джеймс! Что такое?

— А что-то случилось?

Джеймс еще не совсем открыл глаза. Он посмотрел на Брайана, но взгляд его заметался. Затем Джеймс повернул голову в сторону черно-белого пейзажа:

— Где мы?

— Мы упали. Ты тяжело ранен?

— Не знаю!

— Ноги чувствуешь?

— Как две ледышки.

— Чувствуешь, Джеймс?

— Черт побери, да, я же сказал: как две ледышки! Ну и в какой богом забытой дыре ты меня посадил?

ГЛАВА 2

Коварное утреннее небо. Яркие звезды. Даже небосвод, казалось, таил в себе угрозу.

Им было видно все на расстоянии нескольких миль, но вот что еще хуже — их тоже могли заметить.

В середине поля — настолько огромного, что урожаем с него прокормит целую деревню, — лежали обрывки парашюта Джеймса. Четкие, темные следы — груз тащили волоком — вели прямо к чаще, где они прятались. Из-за этого Брайан начал переживать, хоть теперь он знал, что Джеймс пострадал меньше, чем мог бы. На морозе кровь из уха давно унялась. Из-за холода лицо и шея опухли не так сильно. Им безумно повезло.

А теперь, судя по всему, удача от них отвернулась.

От мороза уголки рта потрескались, и холод постепенно все глубже проникал в тело. Чтобы выжить, им придется найти укрытие.

Джеймс прислушивался, не летит ли самолет. Вид поля с воздуха ясно расскажет о происшедших событиях. Пролетит самолет, и тут же появятся ищейки.

— Когда подберем парашюты, думаю, разумно двинуть вон к той впадине. — Джеймс показал на север, в сторону темно-серых полей, а затем обернулся. — А если пойти на юг — как думаешь, далеко до ближайшей деревни?

— Если мы и правда там, где я думаю, то мы придем прямо в Наундорф. Кажется, он всего в паре километров. Но я не уверен.

— Значит, железная дорога к югу от нас?

— Да, если я не ошибаюсь. Но это не точно.

Брайан еще раз огляделся. Никаких ориентиров.

— Думаю, надо поступить так, как ты предлагаешь, — сказал он.

У первых рядов деревьев, защищающих поле от ветра, намело сугробы, из-за чего заметить их было чуть сложнее. Несколько минут они шли вдоль них, пока не обнаружили дыру. Джеймс жадно хватал ртом воздух. Брайан через дыру выбрасывал в канаву парашют, в то время как

Джеймс, скрестив руки, крепко прижимал их к груди, напрасно борясь с холодом. Брайан собирался спросить, как он себя чувствует, но оба инстинктивно замерли и прислушались. У них за спиной показался самолет — его крылья слегка подрагивали, пока он парил над чащей, где они только что прятались. Оба мигом распластались на земле. Развернувшись над полем, самолет полетел на юг и вскоре скрылся за деревья. Какое-то время машина гудела все ниже, как будто исчезала. Джеймс приподнял лицо ровно настолько, чтобы дышать.

Услышав свист, оба тут же обернулись. Над деревьями мелкими темными пятнами висели облака — в одном из них вновь показался самолет. На этот раз он шел прямо на них.

Джеймс закрыл собой Брайана — того вдавило в сугроб.

— Я же замерзну, к чертям! — вздохнув, пробубнил Брайан.

Лицо у него было все в снегу. Он попытался улыбнуться. Джеймс скривился, бросив взгляд на его спину и увидев порванный сзади летный костюм и комки снега, — от тепла его тела они медленно таяли, и по пояснице и бедрам текла вода.

— Будем надеяться, какое-то время так и будет. — Он откинул голову назад. — Если он нас заметил, скоро тебе жарковато станет!

В то же мгновение машина, прогудев над ними, скрылась.

— А это что за фрукт? — спросил Брайан, пытаясь счистить со спины снег. — Ты разглядел?

— Может быть, юнкерс. С виду хлипкий. Думаешь, он нас заметил?

— Тогда нас бы уже на свете не было. А вот следы наши он точно видел!